

В. С. Листов

«Летит орел, тяжел и страшен»: об одном историческом мотиве в поэме А. С. Пушкина «Езерский»

Аннотация: статья посвящена строфе XIII поэмы «Езерский» — «Зачем крутится ветр в овраге...». Эта строфа, наполненная глубоким философским смыслом, имеет, по мнению автора, и конкретно-исторический подтекст. В ней отражены события 1815 г. — побег Наполеона с острова Эльбы, движение императора на Париж, идейная эволюция Бонапарта и возвращение его к власти. Строфа подтверждает стремление Пушкина «пародировать историю и Шекспира».

Ключевые слова: культурология, А. С. Пушкин, Наполеон I, история России, история Франции, «Сто дней», мемуары, якобинство, воззвание, империя.

Поэма «Езерский», созданная Пушкиным в первой половине 1830-х гг., не была завершена и, может быть, поэтому осознается как отдельный и связный текст, главным образом среди специалистов. Вместе с тем основной корпус стихов, составляющих поэму, известен самому широкому кругу читателей, поскольку был цитирован и комментирован необозримое количество раз по множеству поводов. Пушкинисты видят в нем некое переходное явление между «Евгением Онегиным» и «Медным всадником». Родство с романом в стихах определяется хотя бы тем, что вещь написана онегинской строфой, а черты петербургской поэмы проступают в родословной и биографии героя, застигнутого в столице перед великим наводнением 1824 г. Сложные взаимоотношения «Езерского» с другими стихотворными произведениями Пушкина много и плодотворно обсуждались исследователями.

Определимся сразу: контекст «Езерского» среди других произведений — не наша тема, равно как и содержание всей поэмы. Нас будет интересовать только одна, а именно XIII строфа, пожалуй, самая знаменитая. Напомним ее:

*Зачем крутится ветр в овраге,
Подъемлет лист и пыль несет,
Когда корабль в недвижной влаге
Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орел, тяжел и страшен,
На черный пень? Спроси его.
Зачем арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона.
Гордись: таков и ты, поэт,
И для тебя условий нет (V, 102)¹.*

¹ Здесь и далее в круглых скобках приведены ссылки на тома и страницы издания: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Л., 1937–1959. Даты приведены по новому стилю, кроме случаев, которые специально оговариваются.

К этим стихам приводят автора две строфы, которые можно определить как лирическое отступление. Представив героя поэмы «коллежским регистратором» (малый чин, XIV класс по «Табели о рангах»), Пушкин предвидит недоумение критика: что за герой для поэмы? Отвечая на этот еще не заданный вопрос, он рекомендует героя «соседом» и ссылается на Г. Р. Державина: певец Фелицы славил своих соседей. А то, что соседи Державина были куда чиновнее бедного регистратора, так ведь век другой: требуемый критиком «возвышенный предмет» теперь может возникнуть там и тогда, где и когда его никто не ждет. И снова автор ссылается на себя: «Иль разве меж моих друзей / Двух, трех великих нет людей?» (V, 102). Таким образом, на риторический вопрос поэт отвечает риторическим же вопросом, после которого следует целая цепь риторических вопросов, составляющих 10 из 14 строк знаменитой строфы.

Традиционно смысл этой строфы принято считать по ведомству школьной темы «Пушкин о поэте и поэзии». Поэт утверждает суверенитет служителя муз, его неподвластность общим законам и правилам. Отсюда и череда сравнений поэта с вольными стихиями, с предметами и явлениями, никаким условиям не следующими. Можно еще заметить, что движение поэтического чувства и сознания сравнивается не только с крутом естественных реалий (ветер, морская стихия, горы, орел, луна), но и с сердцем девы — с характером Дездемоны, героини шекспировской трагедии «Отелло». Тем самым Пушкин как бы утверждает, что высокая, вдохновенная поэзия стоит в одном ряду с божественно созданным миром природы.

Все это давно выявлено, хрестоматийно известно. Сошлемся, например, на работу Е. Г. Эткинда «У поэзии другое измерение»², в которой совершенно верно поэтические строки сопоставлены

² Эткинд Е. Г. У поэзии другое измерение // Эткинд Е. Г. Божественный глагол. Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 231–234.

с кругом природных явлений, со своеобразием человеческого характера, наделенного свободной волей. Такой анализ необходим, однако же, думается, недостаточен. По нашему мнению, у строфы «Зачем крутится ветер в овраге» есть как минимум и второй, пока не выявленный смысловой ряд.

Поводом к иному, параллельному прочтению строфы явились знаменитые «Записки» Ф. Ф. Вигеля, напечатанные в Москве еще в конце XIX в.

Весну 1815 г. будущий мемуарист и приятель Пушкина встречал в Петербурге, где близко знакомствовал с Анной Андреевной Блудовой, урожденной Щербатовой. У нее, пишет Вигель, «была меньшая единственная сестра, фрейлина, княжна Марья Андреевна Щербатова. Она по зимам жила вместе с нею, а лето и осень проводила в Павловске и Гатчине у императрицы Марии Федоровны, которой особенную милостью она пользовалась [...]». Один вечер (это было 6 марта) (по ст. стилю. — В. Л.) провели мы очень весело у старшей сестры ее. Она довольно поздно воротилась из дворца от императрицы; входя, очень равнодушно она сказала нам: «Слышали ли вы, что Наполеон бежал с острова Эльбы?» Мы с изумлением посмотрели друг на друга. «Успокойтесь, — продолжала она, — не знали, куда он девался, и были в тревоге; но получили хорошее известие: он вышел на берег неподалеку от Фрежюса», — «Ну, правда, — невольно усмехаясь, сказал Блудов, — добрые вести привезли вы нам!». Мы подивились, потолковали и разъехались.

В следующие дни все бросились нарасхват читать газеты и ничего не находили в них ободряющего. Вечная война в лице Наполеона быстрыми шагами шла к Парижу. Возвратившись из России, многочисленные старые солдаты его поступили опять в полки, и новое правительство имело неосторожность послать их к нему навстречу. С хвастливым красноречием, приспособленным к их понятиям и сильно действующим на французское тщеславие, были написаны объявления его. От башни до башни, говорил он, полетят его орлы до Парижского собора³. И он сдержал свое слово...»⁴.

Этот отрывок из записок Вигеля сам по себе еще ни о чем не говорит. Однако он надежно свидетельствует, что уже в марте 1815 г. в петербургском свете обсуждалось воззвание Наполеона I к армии, напечатанное вскоре после высадки. Тем самым, образ орлов, летящих мимо башен, был на слуху; это сравнение никак не могло миновать воспитанников Царскосельского лицея. Они, конечно, чи-

тали подробности высадки императора на южном побережье Франции, напечатанные в газетах. Например, такое сообщение было опубликовано в № 21 «Русского инвалида» от 13 марта. За движением Наполеона на Париж лицеисты наблюдали едва ли не с тем же вниманием, с каким три года назад следили за нашествием французов на Москву.

Начинались знаменитые наполеоновские «Сто дней».

«В это гремящее время, — продолжал свои воспоминания Вигель, — поэзия у нас не умолкала: ее голос иногда громко раздавался, и воины, равно как и граждане, с восторгом внимали ему. Жуковский, Вяземский, Батюшков, Шаховской и многие другие литераторы и стихотворцы вступили в дружины и ополчения на врагов отечества... Все журналы гласили только о военных или политических происшествиях [...].

Различить можно было и умирающие звуки лиры Державина, и нежный, но уже сильный голос еще ребенка-Пушкина, который посвятил ему первые плоды чудесного своего таланта»⁵.

Текущие события вдохновили 16-летнего Пушкина: он пишет стихотворение «Наполеон на Эльбе» — романтическое переосмысление предстории побега Бонапарта из ссылки. Точная дата написания «Наполеона на Эльбе» в 1815 г. неизвестна, но уже 25 июня (по ст. стилю) оно опубликовано в № 25–26 журнала «Сын Отечества». И, значит, образный строй стихотворения, наполеоновские реалии, здесь предъявленные, в значительной мере определяются потоком новостей, служат откликом на злобу дня.

Для нашей темы важна особенность композиции стихотворения. Первые 12 строк — авторское введение, в котором Наполеон представлен в условно-романтических декорациях острова Эльба, мечтающий о реванше, о новом покорении Европы. Далее следуют 67 строк как бы прямой речи злодея, его монолог. Финал опять авторский — 15 строк, предсказывающих скорую гибель тирана⁶. Стихи подражательные, отдающие обильную дань как общей традиционной риторике, так и военно-одической лексике XVIII — начала XIX в. По этому поводу сочинение Пушкина-лицейца позже подверглось суровой критике В. Ф. Раевского⁷. Нас, однако, занимает здесь не столько художественная сторона стихотворения, сколько тематические и образные переключки с разбираемой строфой «Езерского».

⁵ Там же. С. 761.

⁶ Пушкин А. С. Стихотворения лицейских лет. 1813–1817. СПб.: Наука, 1994. С. 93–95. Иное истолкование стихотворения «Наполеон на Эльбе» см.: Листов В. С. Новое о Пушкине. М., 2000. С. 343–344.

⁷ Раевский В. Ф. Вечер в Кишиневе // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2-х т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1974. С. 367–369.

³ Е. В. Тарле приводит несколько иную редакцию перевода этого обещания Наполеона: «Мои орлы полетят с колокольни на колокольню и усядутся на соборе Нотр-Дам» (Тарле Е. В. Наполеон. М.: Госиздат, 1939. С. 251).

⁴ Вигель Ф. Ф. Записки: В 2-х кн. Кн. 2. М.: Захаров, 2003. С. 747–748.

Завершив обширный монолог Бонапарта, Пушкин сочиняет авторский финал, предсказывающий близкое будущее императора:

*Умолк. На небесах лежали мрачны тени,
И месяц, дальних туч покинув темны сени,
Дрожащий, слабый свет на запад изливал —
Восточная звезда играла в океане,
И зрелась ладья, бегущая в тумане
Под сводом Эльбских скал.
И Галлия тебя, о хищник, осенила;
Побегли с трепетом законные цари.
Но зришь ли? Гаснет день, мгновенно тьма сокрыла
Лицо пылающей зари.
Простерлась тишина над бездною седою,
Мрачится неба свод, гроза во мгле висит,
Все смолкло... трепещи! погибель над тобою
И жребий твой еще сокрыт!⁸*

Пушкин пишет все это в апреле-мае 1815 г. И, в отличие от героя своего стихотворения, уже знает ближайшие события, предшествующие «Ста дням»: отплытие корабля с острова («ладья, бегущая в тумане»), высадка в бухте Жюан, триумфальная встреча императора («И Галлия тебя, о хищник, осенила»), бегство Бурбонов из Парижа («Побегли с трепетом законные цари») и т. д. В ходе авторских размышлений встречаем мы и месяц, покинувший «темны сени», и даже мечту узурпатора: «И вспыхнет брань! за галльскими орлами / С мечом в руках победа полетит»⁹. Сравнив юношеское стихотворение Пушкина с «Езерским», мы в пределах наполеоновской темы обнаруживаем любопытную последовательность образных соответствий: «ладья» — «корабль», «галльские орлы» — «орел тяжел и страшен», «месяц, изливающий дрожащий свет» — «месяц, любит ночи мглу», «мятежной думы полн» — «нет закона» и т. д.

Согласимся: как и отрывок из мемуаров Вигеля, это само по себе мало что доказывает. В конце концов, локальная склонность к возвышенной романтической лексике может проходить через все творчество поэта, быть характерной и для лицеиста, и для придворного историографа. Но дело не только в лексическом наборе, включающем в себя и общераспространенные клише. Нам предстоит соотнести строфу «Зачем крутится ветер в овраге» с известными Пушкину фактами похода Наполеона от Эльбы до Парижа.

2

Несколько лет тому назад в Москве вышла весьма содержательная книга П. Ф. Николаева «Полет орла.

Хроника “Ста дней” Наполеона Бонапарта»¹⁰. В ней именно *по дням* прослежена биография императора французов — от побега с острова до второго отречения и отплытия во вторую ссылку, на остров Святой Елены. Теперь нам предстоит соотнести показания этой подробной хроники со строфой «Езерского».

*Зачем крутится ветер в овраге, / Подъемлет лист
и пыль несет, / Когда корабль в недвижной влаге / Его
дыханья жадно ждет?*

На 26 февраля 1815 г. Наполеон назначил тайное отплытие к южным берегам Франции. Таиться приходилось потому, что в Средиземном море вокруг Тосканского архипелага крейсировали английские суда; они могли перехватить беглеца, не имевшего права покидать свой остров. «Всходя на корабль, Наполеон вспомнил знаменитую фразу своего далекого предшественника по военному ремеслу: “Жребий брошен!” Шлюп быстро доставил его на бриг “Непостоянный”, с которого раздался пушечный выстрел — сигнал к отплытию флотилии... Но из-за отсутствия ветра корабль еще пять часов, долгих и мучительных, простоял на рейде, рискуя быть обнаруженным английскими сторожевыми судами. Только в полночь маленькая армада направилась к желанным берегам прекрасной Франции» [40–41]¹¹.

Все это, допустим, не доказывает окончательно, что речь в стихах идет именно и только о бриге «Непостоянный», и именно и только о его многочасовом тревожном стоянии на эльбском рейде 26 февраля 1815 г. Но такое истолкование, возможно, не противоречит исторической действительности. Кроме того, обращение к наполеоновской легенде смягчает слишком резкий смысловой переход между двумя вопросами, поставленными в XII и XIII строфах «Езерского». XII строфа завершается вопросом: «Иль разве меж моих друзей / Двух, трех великих нет людей?». А дальше: «Зачем крутится ветер в овраге...».

Тем самым, давая намек на наполеоновскую легенду, автор в каком-то смысле уравнивает и себя, и своего героя регистратора с самым знаменитым человеком современности. Поэт потому и похож на природное явление, ветер, что он, поэт, не считается с важными для людей общественными обстоятельствами. Ему, поэту, все равно, «император» или подспудно рифмуемый с ним «регистратор» ждет на корабле попутного ветра. Как ветер, поэт равнодушен и к тому, захватят или не захватят беглеца английские патрули. Поэт и ветер выше общепонятных человеческих устремлений.

¹⁰ Николаев П. Ф. Полет орла. Хроника «Ста дней» Наполеона Бонапарта. М.: Экслибрис-Пресс, 2009. Далее ссылки на страницы этого издания даны в квадратных скобках.

¹¹ «Плавание продолжалось почти трое суток, так как попутный ветер несколько ослабел» (Тарле Е. В. Указ. соч. С. 246).

⁸ Пушкин А. С. Стихотворения лицейских лет. С. 94–95.

⁹ Там же. С. 93.

«Страстей единый произвол» будет пронизывать все пушкинское творчество. Примеров на эту тему необозримое множество. Клеопатра по прихоти любит и казнит своих наложников (неслучайно разбираемая строфа введена в «Египетские ночи» (VIII, 269). И так же произвольно Петруша Гринев проигрывает деньги в симбирском трактире, «потому что так [...] вздумалось» (VIII, 285). «Страстей единый произвол» царит во все времена и у всех народов; ему равно подвержены и симбирский недоросль, и столичный чиновник, вдруг возвышающий голос против Медного Всадника — Петра Великого.

Почему ж в этом ряду не оказаться и «маленькому капралу» Бонапарту, которому «вздумалось» еще раз испытать судьбу на мировой арене?

Зачем от гор и мимо башен / Летит орел, тяжел и страшен...

Причалив 1 марта к французскому берегу недалеко от Антибского мыса, Наполеон устроил свой первый бивак на скрещении дорог, ведущих на Валери и Антиб. Этот лагерь находился около часовни Нотр-Дам дю Бон-Вояж. Самое название звучало как предзнаменование счастливого пути [45]. Здесь, по-видимому, и надо искать объяснение мотиву из воззвания императора к армии: предстоял путь (вояж) через всю Францию — от башни Нотр-Дам дю Бон-Вояж до башни Нотр-Дам де Пари¹².

Позволим себе не обсуждать общеизвестное сравнение Наполеона с орлом. Даже сына его от австрийской принцессы называли Орленком. А в наполеоновской армии резными изображениями императорских орлов были увенчаны древки знамен; соответствующие эмблемы украшали и полотнища.

В нашу задачу не входит прослеживание всего пути императора и его спутников от Антиба до столицы. Но одна деталь весьма существенна. Бонапарт не рискнул идти прямо на Париж: он еще не был уверен в том, что королевские гарнизоны, контролирующие большие дороги и крупные города, без сопротивления перейдут на его сторону. Поэтому он избрал не прямой путь на северо-запад, а окольный — на север, на Гренобль. Источники полны описаний того, как горстка храбрцов с императором во главе, рискуя жизнью, преодолела заснеженные горные перевалы.

Все это достаточно надежная параллель к выражению «от гор и мимо башен». Именно так, от

¹² Воззвание Наполеон продиктовал еще на Эльбе [39], но напечатано оно было через несколько дней после высадки [57], так что у автора была возможность внести в текст мотив башен уже на французской земле. Приведем и другую редакцию перевода этого предсказания: «Орел с национальными цветами полетит с колокольни на колокольню, вплоть до башни собора Парижской богородицы» (История XIX века / Под ред. Лависса и Рамбо. Т. 2. М.: ОГИЗ, 1938. С. 364).

Прованских Альп, начинался «полет орла», т. е. восхождение Наполеона к его «Ста дням».

Есть и другая, но, кажется, менее вероятная версия фактического наполнения пушкинских строк. Скрытое движение Бонапарта не было известно парижским властям на протяжении целых четырех суток. Только вечером 5 марта Людовику XVIII был сделан доклад, в котором сообщалось о высадке Наполеона. Новость поступила по тогдашнему сигнальному телеграфу. Это изобретение принадлежало французскому инженеру К. Шаппу. Первый телеграф был открыт еще в 1794 г. между Парижем и Лиллем. Двадцать лет спустя в стране было уже несколько телеграфных линий. «Через каждые десять километров стояли четырехметровые башни с двумя перекладинами на них. На перекладинах выставляли буквы передаваемого текста. Эти буквы были видны в подзорную трубу. Текст из 100 знаков доходил из Лиона до Парижа за 2 с небольшим часа» [53].

С 5 марта сигнальный телеграф будет регулярно сообщать в Париж о движении быстро растущей армии Наполеона. Это означает, что Бонапартовы «орлы» продвигаются от диких Альп как раз мимо телеграфных башен.

Таким образом, абстрактные, не прикрепленные к месту и времени образы (ветер, корабль, горы, башни, орел) из строфы «Езерского» обретают некие исторические параллели. Важны не только и даже не столько соответствия этих образов реалиям, сколько самая *последовательность* обозначения предметов у Пушкина. Она с довольно высокой точностью совпадает с последовательностью обстоятельств возвращения Наполеона во Францию с острова Эльбы.

Зачем арапа своего / Младая лобит Дездемона...

На первый взгляд здесь только еще одно сравнение поэта, построенное на своеволии, на неподвластности общепринятым обычаям. Сердце аристократической красавицы склоняется к чернокожему герою, что должно снова подтвердить близкое родство человеческой страсти с природными стихиями — с ветром, морем, орлом и т. д. Это так. Но тут обращает на себя внимание одно обстоятельство, кажется, к изучению Пушкина не привлекавшееся.

Дело в том, что первая жена Наполеона, Жозефина Богарне (урожденная де ла Пажери), происходила из богатой креольской семьи, жившей на острове Мартиника. Пять лет (1804–1809) она носила титул французской императрицы, и ее неевропейские корни ни для кого секретом не были. Пушкин, разумеется, знал о национальной принадлежности бывшей первой дамы Франции. Эта

деталь должна была его интересовать по сходству семьи Бонапартов с семьей Пушкиных.

Конечно, не все креолы негритянского происхождения. Конечно, в жилах Жозефины текла кровь скорее испанцев и американских индейцев. Но от средневропейского и русского сознания такие тонкости часто ускользали. Мать самого Пушкина, Надежду Осиповну, в свете называли «прекрасной креолкой», о чем свидетельствовала ее дочь Ольга¹³. Пушкин, как известно, с детства и до последних своих дней страдал не только от гнусных расистских намеков на свое африканское происхождение, но был повышенно чувствителен даже к невинным шуткам на эту тему. Например, И. И. Дмитриев назвал Пушкина-мальчика «настоящий арабчик», на что будущий поэт откликнулся мгновенно: «Отличусь тем, что не буду *рябчик*» (Дмитриев был *рябоват*)¹⁴.

В строках о любви Дездемоны к арапу могут быть выявлены разные смыслы. Хрестоматийное прочтение — буквально. Речь идет о шекспировских героях, смело, едва ли не героически преодолевающих вековые предрассудки. Трагедия, по Пушкину, определяется, с одной стороны, светской клеветой, а с другой — гениальным простодушием чернокожего полководца. Аналогия с семьей Пушкина проведена давно и не нами. Женатого Пушкина в свете едва ли не в глаза называли Отелло.

Креольское происхождение Жозефины неизбежно должно было занимать Пушкина, вызывать у него понимание и сочувствие. К началу 1830-х гг., т. е. к началу работы над «Езерским», Жозефина почти уже два десятилетия была в могиле, второе десятилетие пошло и со смерти Наполеона. Поток публикаций о личной жизни императорской четы ширился, появлялись все новые и новые документы, письма, мемуары; становились известны многие подробности, ранее скрытые от публики.

Ко времени первого отречения Наполеона августейшие супруги уже около пяти лет были в разводе. Наполеон был женат вторым, политическим браком на австрийской принцессе Марии-Луизе; Жозефина вдовствовала. Но она по-прежнему была привязана к Наполеону, переписывалась с ним и с участием следила за его судьбой. В 1814 г. союзные государи, особенно Александр I, отнеслись к ней с большой предупредительностью, но не позволили ей сопровождать Наполеона на Эльбу. Один из приближенных к свергнутому императору вспоминал, как тяжело эльбский изгнанник переживал весть о смерти Жозефины. Он бережно хранил локон, при-

сланный ему после ее кончины. Жозефина занимала особое место в сердце Наполеона.

У нас нет прямых и бесспорных доказательств того, что Пушкин знал драму последних месяцев жизни Жозефины, хотя немалая вероятность такого знания существует. Если все-таки знал, то поэт еще раз должен был увидеть «ужасный век, ужасные сердца». Аналогии напрашивались. Прибавлялась еще одна черная строка к моральному счету, предъявляемому императору Александру I: не пустил «прекрасную креолку» на Эльбу. Между тем его брат и преемник Николай I разрешил ехать в Сибирь женам декабристов. Другая аналогия, более важная для «Езерского», состояла в том, что «сердце девы», если оно любит, не считается с внешними обстоятельствами: изменами, разлуками, разрывами, вступлением в иной брак, жизненными поражениями...

Но — довольно. Дальнейшие соображения в этой области далеко увели бы нас от строфы «Езерского».

Гордись: таков и ты, поэт, / И для тебя условий нет.

Заключительное двустипшие, обращенное к поэту, общепонятно. Оно не требовало бы комментария, если бы не малозаметная странность. В контексте строфы поэт сравнивается с ветром, орлом и сердцем девы, для которых нет закона. Простая логика требовала бы сказать: «И для тебя закона нет». Но Пушкин почему-то отступает от логики: «И для тебя *условий нет*». Все-таки закон и *условие* — не синонимы.

Условие, как и закон, накладывает некие ограничения, но, во-первых, они не носят всеобщего характера; а во-вторых, именно условия, действующие среди людей, как раз и не распространяются на естественную среду, на природу. Сравнение поэта с ветром и орлом что-то начинает прихрамывать. Кто же условливается с явлениями природы? Кроме того, на память приходит финал пушкинского «Разговора книгопродавца с поэтом», где последняя реплика Поэта звучит совершенно недвусмысленно: «Вот вам моя рукопись. Условимся» (II, 330). Значит, кое-какие *условия* для поэта все-таки есть.

Мы здесь не станем вторгаться в область истории философии и приводить известные Пушкину метафизические построения — от Фомы Аквината до Монтеスキе. Дело, кажется, проще. В последнем двустипшии Пушкин сравнивает поэта не только с дикой природой, но и с Наполеоном.

Подписав весной 1814 г. свое отречение от престола, Бонапарт принял от союзных держав *условия*, на которых должно было отныне строиться его дальнейшее существование. По этим условиям он сохранял императорский титул, владение островом Эльба, покидать который не имел пра-

¹³ Павлицева О. С. Воспоминания о детстве А. С. Пушкина // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 49.

¹⁴ Там же. С. 56. «Арабчик — рябчик» — вероятно, первая по времени известная русская рифма Пушкина.

ва, возможность общения с сыном, ряд денежных привилегий и т. д. Высадившись в бухте Жюан, Бонапарт растоптал эти условия, показал миру, что для него условий нет.

Если принять, что Пушкин сравнивает поэтический дар с полководческим гением, то все станет на свое место. Такое сравнение довольно легко выявляется в «Домике в Коломне», в «Полководце», в «Путешествии в Арзрум»¹⁵ и других произведениях.

Предлагая свое прочтение строфы «Езерского», мы попытались прокомментировать все ее строки, идущие к делу, все подробности, связанные с событиями весны и лета 1815 г. во Франции. Вне нашего внимания осталось только интригующее смысловое образование:

Зачем [...]

Летит орел [...]

На черный пень? Спроси его [...]

Собственно говоря, на этом мотиве можно было бы и не останавливаться. Даже если в подтексте строфы присутствуют исторические «Сто дней», это ведь не обязывает Пушкина неотступно, в каждом слове следовать наполеоновской теме. Мы ведь, в конце концов, не знаем, зачем крутится ветер в овраге или зачем Дездемона любит своего арапа. Ничего особенного не было бы и в том, что «черный пень» буквален, никакого подтекста не содержит и служит только как снижение предметов «возвышенных»: гор, ветра, орла и башен.

И все-таки: если Наполеон предстает в аллегорическом образе орла, то зачем бы ему стремиться на гнилую древесину, прозябающую на лесной вырубке? Только ли потому, что ему, орлу, «так вздумалось»? Вообразим себе такой геральдический нонсенс: тяжелый и страшный орел, расправив крылья, восседает на черном трухлявом пне. Вряд ли. Скорее всего, мы не учитываем здесь какого-то важного подразумевания.

Напомним прежде всего исключительно емкую характеристику исторической роли Наполеона, данную Пушкиным в стихотворении «Недвижный страж дремал на царственном пороге...»:

Мятежной Вольности наследник и убийца (II, 311).

В одной строке здесь объяснен весь смысл жизненного пути императора. «Поэтический образ, — замечает О. С. Муравьева, — допускает здесь очень широкое истолкование. Наполеон не “Робеспьер на коне”, ибо он — “убийца вольности”, но он и не просто деспот, задушивший революцию, ибо он — ее “наследник”. Слово “наследник” может быть

понято только в том смысле, что Наполеон получил верховную власть благодаря революции, так как путь от капрала до императора был, естественно, невозможен в условиях старого режима»¹⁶. Совершенно верно. Именно поэтому просвещенная Европа видела в наполеоновских «орлах» вооруженную силу французской революции, и никакие доводы о Бонапарте как «убийце вольности» не могли переубедить многих современников.

Сам Наполеон в период своего могущества эту идею не поддерживал, старался сколь возможно дистанцировать себя от революционных крайностей, от кровавого якобинства. Он не желал самоутверждаться как вождь Жакерии, как главарь санкюлотов. Поэтому формула Пушкина «вольности наследник и убийца» отражает еще и противоречие между суммарно понимаемой исторической ролью Наполеона и его самосознанием.

Но события 1814–1815 гг. (военные поражения, отречение от престола, ссылка на Эльбу) существенно пошатнули сложившуюся систему его абсолютистских, имперских представлений. Новое восхождение к власти требовало возвращения на старый путь; республиканский генерал Бонапарт в борьбе против Бурбонов опять нуждался в доверии народных масс, в сочувствии и поддержке миллионов соотечественников. Его первые воззвания, обращенные к низшим сословиям сразу после Эльбы, поражают революционной простотой и цинизмом: «Я явился, чтобы избавить Францию от эмигрантов. Я — порождение революции. Я явился, чтобы вырвать французов из рабства, которое им навязали священники и дворяне. Пусть поостерегутся! Я их всех повешу на фонарях» [155].

Уже через две недели после возвращения к власти, 4 апреля, император своим декретом возродил устрашающий институт чрезвычайных комиссаров. В их число попало много деятелей революции [179], хорошо помнивших приемы и методы, какими велся якобинский террор. С явлением, родственным этим комиссарам, Пушкин сталкивался на страницах русской истории XVII в. В наброске предисловия к «Борису Годунову» (1829) поэт сравнивает своего предка Гаврилу Пушкина, сторонника Самозванца, с комиссарами Конвента (XIV, 47; подлинник на франц.). Эти комиссары — одна из многочисленных примет «смутного времени», которое наступило во Франции весной 1815 г.

Все мятежи оказываются похожими друг на друга.

Император заигрывал с толпой, заказывал Б. Констану конституционный акт, созывал наспех выбранные палаты Законодательного корпуса,

¹⁶ Муравьева О. С. Пушкин и Наполеон (Пушкинский вариант наполеоновской легенды) // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XIV. Л.: Наука, 1991. С. 15.

¹⁵ См. об этом: Листов В. С. Новое о Пушкине. С. 261–283.

принимал антидворянские декреты. Но далеко не только аристократы видели в нем коронованного якобинца [178]. Европейские государи вступили в 7-ю коалицию против «революционной» Франции. Русское дворянство посылало очередные проклятия узурпатору и тирану, обе столицы, Петербург и Москва, кипели негодованием. Замечательно просто оценивала положение газета «Московские ведомости»: «Всякая сволочь толпится теперь в Тюильрийском саду и вызывает к себе нередко Бонапарта, к коему прежде и подступиться не осмеливались. Для улучшения успехов своих замыслов Бонапарт подружился с якобинцами. Он и ныне почитает их для себя весьма нужными, дабы не лишиться вдруг своей силы в народе. Якобинцы повсюду берут верх» [178].

Напомним: мы начали попытку изучения строфы «Зачем крутится ветр в овраге...» с воспоминаний Ф. Ф. Вигеля, приятеля Пушкина и внимательного наблюдателя «Ста дней». Обратимся к его мемуарам еще раз. Вот мнение Вигеля: «Отрезанный от своего прошлого ссылкой на Эльбу, Наполеон казался другим человеком, даже в самой Франции. Очарование исчезло; сосуд, избранный Провидением, ударившись оземь, расшибся; клеенный и подъятый вновь, он потерял большую часть цены своей и в глазах народов. *Как утопающий хватается за гнилой сук дерева*, так он прибегнул к оружию, употребленному против него венчанными его противниками: *он заговорил о свободе*»¹⁷.

Таким образом, русская пресса честит простонародных приверженцев Наполеона «всякой сволочью», а Вигелю угодно называть эгалитарные идеи Французской революции *гнилым суком*, за который хватается император на исходе своей власти. *Гнилой сук* или *черный пень* — велика ли разница? И тот и другой равно не могут служить основанием для «обновляемой» императорской власти.

О социальной базе бонапартизма написаны многие тысячи страниц, и мы, понятно, не последуем за их авторами, останемся в пределах пушкинской темы. Здесь существенно то, что и «черный пень» Пушкина, и «гнилой сук» Вигеля отделены от «Ста дней» несколькими десятилетиями. Трагедия ушла в прошлое и подлежала осмыслению на основе недавнего исторического опыта. Конечно, 16-летний Пушкин-лицеист, еще всерьез не тронутый декабристским вольнолюбием, относился к Наполеону и его «Ста дням» с общих патриотических позиций своего круга. Конечно, он простодушно гордился победами русского оружия, радовался успехам антинаполеоновских коалиций, сочувствовал французским эмигрантам. В последующие годы

быстро созрел не только его поэтический талант, но и его понимание общественных проблем и обстоятельств. «Езерского» писал человек, уже давно вкусивший от запретного плода либерализма и декабризма, разочаровавшийся в революционном противостоянии монархам. Во всяком случае, он хорошо знал цену возгласам «Аристократов на фонарь!» и другим подобным призывам. Деспотизм толпы, плебса оказывался не лучше, а может быть, даже хуже деспотизма наследственных государей.

Знаменитый диалог Пушкина с великим князем Михаилом Павловичем в декабре 1834 г. доказывает, что к этому времени поэт понимал бонапартизм как монархию, пренебрегающую аристократией и покровительствующую черни. Опыт позднего Наполеона можно было наблюдать и в правлении династии Романовых, которые, по Пушкину, — революционеры и уравнители. В этом смысле между Петром I и Бонапартом особой разницы не было. Великий князь верно понял мысль Пушкина: «Спасибо: так ты меня жалуешь в якобинцы!» (XII, 335).

Якобинство позднего Наполеона как раз и состояло в пренебрежении дворянством и в опоре на простой народ, на чернь («черный пень»?); выходило так, что Бонапарт, как и Романовы, тоже выступал уравнителем и революционером. Будучи сам великим карьеристом и выскочкой, император, однако, не был последователен. В 1812 г. он не освободил от крепостной зависимости русских мужиков, а в 1815 г., восхваляя революцию, не попытался облегчить положение французских крестьян и ремесленников, разоренных войнами и налогами; он не призвал к народной войне против интервентов. Император так и остался в истории великим человеком, для которого главной жизненной целью была власть, власть сама по себе — независимо от интересов и чаяний нации...

Подведем некоторые итоги.

Мы нимало не ставим под сомнение традиционную версию строфы «Зачем крутится ветр в овраге...»; ее глубокое философское наполнение остается в силе. Вместе с тем последовательность эпизодов, которая в ней прослеживается, заставляет искать соответствий между содержанием строфы и конкретными историческими событиями 1815 г. Отсюда берет начало и иное, параллельное истолкование этих стихов.

Примерно в 1830 г., еще до того, как строки «Езерского» легли на бумагу, Пушкин набросал заметку о поэме «Граф Нулин», более всего известную своей заключительной фразой: «бывают странные сближения». Между тем фразе этой предшествует другая, отчасти объясняющая, чем могут наполняться сближаемые стороны: «Мысль пародировать историю и Шекспира мне представилась.

¹⁷ Вигель Ф. Ф. Указ. соч. С. 757–758. Курсив наш.

Я не мог воспротивиться двойному искушению...» (XI, 188). В изучаемой строфе, по нашему мнению, именно это и происходит. Только Шекспир (через Отелло и Дездемону) назван прямо, а история наполеоновских «Ста дней» обозначена косвенно, метафорически.

К началу 1830-х гг. Пушкин, давно расставшийся с «либеральным бредом», близок к идеям этического монархизма и аристократизма в духе Н. М. Карамзина, и это тоже находит, по-видимому, отражение в строфе, где наполеоновский орел, оставивший возвышенные предметы, летит на «черный пень»...

Список литературы:

1. Грунский Н. К. Наполеон I в русской художественной литературе // Русский филологический вестник. 1898. № 3–4.
2. История XIX века / Под ред. Лависса и Рамбо. Пер. с франц. Т. 2. М.: ОГИЗ, 1938. 332 с.
3. Листов В. С. О стихотворении А. С. Пушкина «Недвижный страж дремал на царственном пороге...» // Грехнёвские чтения. Вып. 6. Н. Новгород, 2010. С. 16–29.
4. Лотман Ю. М. Пушкин. СПб.: Искусство–СПБ, 1995. 847 с.
5. Манфред А. З. Наполеон Бонапарт: Биография. Т. 2. М., 2010. 384 с.
6. Муравьева О. С. Пушкин и Наполеон (пушкинский вариант «наполеоновской легенды») // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XIV. Л.: Наука, 1991. С. 5–32.
7. Николаев П. Ф. Полет орла. Хроника «100 дней» Наполеона Бонапарта. М.: Экслибрис-Пресс, 2009. 400 с.
8. Реизов Б. Г. Пушкин и Наполеон // Реизов Б. Г. Из истории европейских литератур. Л.: Изд-во ЛГУ, 1970. С. 51–65.
9. Тарле Е. В. Наполеон. М.: Госиздат, 1939. 297 с.
10. Эткинд Е. Г. Божественный глагол. Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М.: Языки русской культуры, 1999. 600 с.

References (transliteration):

1. Grunskiy N. K. Napoleon I v russkoy khudozhestvennoy literature // Russkiy filologicheskiy vestnik. 1898. № 3–4.
2. Istoriya XIX veka / Pod red. Lavissa i Rambo. Per. s fr. T. 2. M.: OGIZ, 1938. 332 s.
3. Listov V. S. O stikhotvorenii A. S. Pushkina «Nedvizhnyy strazh dremal na tsarstvennom poroge...» // Grekhnevskie chteniya. Vyp. 6. N. Novgorod, 2010. S. 16–29.
4. Lotman Yu. M. Pushkin. SPb.: Iskusstvo–SPB, 1995. 847 s.
5. Manfred A. Z. Napoleon Bonapart: Biografiya. T. 2. M., 2010. 384 s.
6. Murav'eva O. S. Pushkin i Napoleon (pushkinskiy variant «napoleonovskoy legendy») // Pushkin. Issledovaniya i materialy. T. XIV. L.: Nauka, 1991. S. 5–32.
7. Nikolaev P. F. Polet orla. Khronika «100 dney» Napoleona Bonaparta. M.: Ekslibris-Press, 2009. 400 s.
8. Reizov B. G. Pushkin i Napoleon // Reizov B. G. Iz istorii evropeyskikh literatur. L.: Izd-vo LGU, 1970. S. 51–65.
9. Tarle E. V. Napoleon. M.: Gosizdat, 1939. 297 s.
10. Etkind E. G. Bozhestvennyy glagol. Pushkin, pročitanny v Rossii i vo Frantsii. M.: Yazyki russkoy kul'tury, 1999. 600 s.